

Социальные аспекты магического мышления

Данная статья не ставит перед собой задачу освещения архаических религиозных представлений первобытного человека или анализ средневековых мистерий в эпоху теократии и абсолютного доминирования идеального мировосприятия. Отправной точкой исследования есть понимание того, что магическое мышление как форма духовной культуры или психологической предопределенности человеческой природы к мистическому мироощущению явно просматривается как до историко-цивилизационного периода становления древнего человека (анимизм, фетишизм, тотемизм, магия), так и в условиях воздвижения фундамента и архитектуры цивилизации от Древнего Египта и Месопотамии до индустриальной и постиндустриальной эпохи. Парадоксальность в том, что XX–XXI века как столетия триумфа техники и технологий, бурного утверждения точных наук и общего естествознания оказались несостоятельными в отношении рассеивания духа эзотерико-мистического, сакрально-магического и мифического мироощущения. Особенно показательный интерес к описываемым формам мистической реальности возымел место в первой половине XX ст. в немецком оккультном обществе Thule-Gesellschaft (давнее тол-

чок к рождению Ahnenerbe), оказавшем впоследствии немалое влияние на процесс формирования идеологической доктрины НСДАП. Дальнейшие события известны всем.

Аспекты, указанные выше, и необъятная масса неназванных факторов магического мышления и мироощущения актуализируют исследовательское внимание к описываемой проблематике именно в социальном контексте, так как позволяют нам рассматривать процесс формирования и становления массового магического сознания, являющего собою социокультурный субстрат, предрасположенный к манипулятивному воздействию.

Пожалуй, следует попытаться сформулировать определение категории «магическое мышление» с попыткой охвата его субстанционального статуса и сущностных характеристик. Итак: магическое мышление — исторически сформированная система мировоззренческих установок, отталкивающихся от действительного переживания метафизической реальности в модусах теоретико-мировоззренческой и практико-трансформирующей деятельности. В эпоху активной урбанизации и совершенствования методологий массовых манипуляций данная форма мышления активно используется политическими, коммерческими и прочими структурами. Что не может не вызывать исследовательский интерес.

В труде британского антрополога Бронислава Малиновского «Магия, наука и религия» высказывается суждение о том, что мир магического восприятия имеет свое наибольшее утверждение именно в условиях примитивного мира. Потому как угроза физического уничтожения и постоянный риск, образованный опасной и непредсказуемой средой, создают тот психоэмоциональный климат, в которой магические практики обретают значение, по многим признакам родственное научным процедурам и методологиям развитого мира. Он утверждает, что «Мы находим магию там, где есть место случайности, эмоциональной игре надежды и страха. Мы не находим магии там, где все ясно, надежно и хорошо контролируется рациональными навыками и технологическими процессами. Мы находим магию везде, где дает себя знать фактор риска. И не встречаем магии нигде,

где абсолютная безопасность исключает какие бы то ни было дурные предчувствия» [2, с. 137]. Одним словом, рационализация и технологизация общественной жизни, по мнению британского исследователя, являют собою социокультурные механизмы нивелирования магического мышления. Возражением к указанному утверждению есть тезисы, обозначенные выше, относящиеся к немецким оккультным обществам, а также количественный анализ средневековых мистических течений, с новой силой разворачивающих свою деятельность в XVIII–XIX ст. (розенкрейцеры, спиритуалисты, каббалисты, теософы, спиритисты и т. д.).

Касательно второй половины XX ст. мы наоборот с удивлением констатируем, что наравне с гонкой вооружений, а следовательно, конкурентным прогрессом технологий и борьбой за космическое пространство, массовым явлением социокультурной жизни, в особенности западного мира, становится невиданное по популярности зарождение и распространение всевозможных школ и учений, апологизирующих магический взгляд на мир. К примеру, можно указать на книги К. Кастанеды, Р. Хабарда, А. ЛаВея, А. Кроули и других авторов указанного направления [1], идеи которых (и не только названных писателей), отчасти творчески, переосмысливаются популярными рок-группами психоделического направления (The Doors, Pink Floyd, The Who, Cream и др.) и, следовательно, способствуют социальной актуализации магического мышления, обретению им форм массового флуктуирования.

На наш взгляд, в особенностях магического мышления современного человека можно выделить на два основных типа:

1. витально-прикладной (углубленный), характеризующийся практиками и процедурами, направленными на самосовершенствование и достижение определенного магического результата;
2. рекреационно-досуговый (поверхностный), сопряженный с естественной необходимостью сглаживания острых углов постиндустриальной реальности в тихих и укромных пространствах комфортной среды.

По первому направлению можно привести, к примеру, труд Алистера Кроули (умершего в 1947 г., но, тем не менее, оказав-

шего влияние на социализацию магического мышления всего XX ст.) «Мистицизм и магия». В книге проводится параллель между основными религиозными учениями мира с констатацией в сущности своей единой методологии достижения просвещенного состояния, некотором «сосредоточении ума» [1, с. 38], имеющем лишь различные формы в многообразии религиозных практик. Автор задается вопросом о соотношении магического и научного знания с акцентом на важность мистического откровения в целостной картине миропонимания. Важным для А. Кроули является анализ индуистских медитативных техник асаны, ямы и ниямы, пратьяхары, дхараны и др., с целью «обретения власти над своим умом» и т. д. Данное направление магического мировосприятия направленно на интеллектуально-эрудированную социальную группу, стремящуюся выйти за рамки религиозных ограничений, пребывающую в поисках прикладных знаний и методик, ориентированных на реальный результат.

Ко второй группе, относящейся к рекреационному типу магического мышления, можно отнести многомиллионные массы потребителей абсурдно-фентезийного, мифологического, фантастического продукта, неустанно репрезентуемого массовой киноиндустриальной машиной. Образцом послужит яркое художественное технофэнтези «Доктор Стрэндж» (реж. Скотт Дерриксон, 2016 г. вып.): <http://kino-na-xati.com/fantasyka/doktor-strendzh-online.html>. В картине описывается жизнь весьма талантливого молодого хирурга, оказавшегося жертвой ужасной автомобильной катастрофы. Будучи лишенным возможности проводить искусные операции, а это при том, что герой фильма фанатически влюблен в свою профессию, молодой доктор отправляется в Камар-Тадж, где попадает в ученики к хранителю древних магических знаний. Фильм базируется на завораживающем комбинировании представлений о квантовой физике, путешествии в пространстве, трансформации пространства, энергетических манипуляциях и т. д. Магия в «Докторе Стрэндже» — это оккультная наука, доступная посвященным, позволяющая видоизменять реальность, прони-

кая в астральные измерения. Борьба светлых и темных начал в этой картине является классической данью закону жанра, формирующему захватывающую сюжетную линию. Приведенный выше артефакт является творением Marvel Studios, полностью принадлежащей The Walt Disney Company, следовательно, дальнейшая риторика о техническом качестве и массовой популярности картины не имеет смысла. Значимости же и важности выявления социокультурных механизмов, мифологизирующих массовое сознание, посвящено немалое количество работ.

Все описанное выше следует свести к некоторым обобщающим положениям. Магическое мышление в контексте его существования как социального феномена обладает актуальным исследовательским статусом, поскольку позволяет анализировать данную форму культуры во взаимосвязи с такими явлениями, как техномиф, массовое сознание, мистификация сознания, девиантные социальные практики и т. д. Магия в современном обществе находит свое востребование в узкой социальной группе, склонной апеллировать к псевдонаучному миропониманию, а также в широком массовом сознании, воспринимающим магию как элемент театрального действия, экранный симулякр или миф о мифе, одаряющий досуговым комфортом, но в научно-практическом понимании несущий в себе функцию социального регулятива. Указанная форма восприятия, тесно переплетаясь с политико-идеологическими и религиозно-мистическими воззрениями середины XX ст., так же продемонстрировала себя как потенциально деструктивный социальный феномен.

1. Кроули А. Мистицизм и магия / Алистер Кроули [Пер. с англ. А. Блейз]. — М. : Издательство «Ганга», 2011. — 256 с.
2. Малиновский Б. Магия, наука и религия / Бронислав Малиновский [Пер. с англ. А. Хомика]. — М. : Академический проспект, 2015. — 298 с.

